

СИНТАКСИС

УДК 811.511.24

С. С. Буторин

*Институт филологии СО РАН
Новосибирский государственный технический университет*

Об основных средствах кодирования локационных и директивных семантических компонентов в кетском языке

Рассмотрены основные средства выражения локационных и директивных (ориентационных) значений компонентов статических и динамических локативных ситуаций в кетском языке. Проанализированы пространственные падежные показатели, серийные послелого и наречия, а также связочные элементы (скрепы) в составе сложного синтаксического целого, функциями которых является противопоставление локационных и директивных значений. Показана специфика локативных наречий как средства выражения “неточной” локализации.

Ключевые слова: кетский язык, кодирование семантических компонентов локативных ситуаций, статические и динамические ситуации, локационные и директивные значения, пространственные падежные показатели, послелого, наречия, сложные локативные синтаксические конструкции.

Целью статьи является выявление основных средств выражения локационных и директивных значений компонентов статических и динамических локативных ситуаций в кетском языке (КЯ). Основная задача исследования заключается в построении инвентаря средств кодирования указанных значений на базе анализа пространственных падежных показателей, послелогов, наречий и сложных синтаксических конструкций, функциями которых является противопоставление локационных и директивных значений.

1. Локативность понимается как семантическая категория, реализующаяся в локативной ситуации, которая предполагает наличие наиболее существенных компонентов: локализуемого объекта, ориентира (Фигуры и Фона – в терминологии Л. Талми [Talmy, 2000, pp. 25–26]) и определенного пространственного отношения, связывающего их. Важнейшей оппозицией в выражении пространственных отношений является оппозиция статики (продолжение пространственных отношений между локализуемым объектом и ориентиром) и динамики (начало или прекращение данных отношений). Соответственно, выделяются статические и динамические ситуации [Гак, 1996, с. 8].

Статические отношения лежат в основе категории статической пространственной локализации, а именно *локации*, в то время как динамические – в основе категории *ориентации*, или в нашей терми-

Буторин Сергей Сергеевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Сектора тунгусо-маньчжуроведения ФГБУН Института филологии СО РАН; доцент Новосибирского государственного технического университета.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация, e-mail: butorin_ss@mail.ru, тел: (383)3302735.

нологии – *директивности*. Обе категории входят в функционально-семантическое поле локативности.

При описании пространственных отношений, отражаемых в локативных ситуациях, будет использована терминология, предложенная И. А. Невской [2005, с. 11–13] и близкая к концепции Шестрема [Sjöström, 1990]. Авторы различают следующие разновидности статических и динамических пространственных отношений: локацию, делокацию, адлокацию и транслокацию [Невская, 2005, с. 12].

Локация – статические пространственные отношения между локумом (Ориентиром в терминологии, используемой в данной работе) и объектом локализации.

Делокация – прекращение отношений локации, т.е. при делокации объект перемещается “от” или “из” ориентира.

Адлокация – установление отношений локации между объектом и ориентиром. Адлокация указывает на то, что объект перемещается к Ориентире или внутрь Ориентира.

Транслокация – перемещение объекта по Ориентире или вдоль него – по трассе движения.

Уточним термины, которые используются в данной работе.

В локационных (статических) ситуациях обязательно присутствует семантический компонент “Место”, локализуемый объект относительно “Ориентира”.

В ситуациях, предполагающих наличие семантического компонента “Траектория” (Path – в терминологии Л. Талми [Talmy, 2000, pp. 25–26]), вслед за В. А. Плуноном и Т. А. Майсаком, будем выделять в составе “Траектории перемещения” [Плунон, 2002, с. 61] три наиболее важных субкомпонента: исходную точку перемещения (“Исходный пункт”), его конечную точку (“Конечный пункт”) и “Маршрут”, включающий все промежуточные отрезки пути перемещения локализуемого объекта, т.е. все те промежуточные участки, где объект находился между началом и концом перемещения. Таким образом, термин Маршрут будет использоваться в смысле термина “собственно маршрут в узком смысле слова” [Майсак, 2005, с. 103]. В литературе встречаются и иные термины, например, “старт”, “финиш”, “трасса”, [Всеволодова, Владимирский, 2008, с. 13–18].

На формально-языковом уровне семантическим субкомпонентам Исходный пункт, Конечный пункт и Маршрут, являющимся составляющими субкомпонентами Траектории, соответствуют одноименные семантические роли, выражаемые аргументами пространственных глаголов.

Основными морфо-синтаксическими средствами выражения семантических компонентов локативных ситуаций являются статические и динамические предикаты, локативные аргументы, выражающие указанные пространственные семантические роли, локативные сирконстанты, а также ориентационные сателлиты. Кроме того, как и во многих языках мира, в кетском представлены сложные локативные ситуации, в которых одна, являющаяся фокусом сложного высказывания, локализуется относительно другой ситуации.

Морфо-синтаксические средства кодирования роли “Место” будем называть локационными (англ. *locational*), а средства кодирования “Исходного пункта”, “Конечного пункта” и “Маршрута” – директивными, или ориентационными (англ. *directive, orientational* (“директивный, направительный, определяющий направление”, “ориентационный”).

Рассмотрим возможности выражения локационных и директивных значений посредством указанных морфо-синтаксических компонентов.

2. Глаголы перемещения и отчасти глаголы положения в пространстве являются ведущими лексическими средствами обозначения статических и динамических локативных ситуаций и доминирующим компонентом локативных синтаксических моделей. Именно предикаты предопределяют характер локативной ситуации и, соответственно, выбор локационных или директивных средств кодирования пространственных отношений между локализуемым объектом и ориентиром. Предикаты перемещения обуславливают наличие аргументов, указывающих на направленность (ориентацию) перемещения объекта и оформленных показателями, передающими директивные значения. При этом отсутствует общепринятое терминологическое разграничение понятий ‘движение’ и ‘перемещение’. Под перемещением будем понимать “последовательную смену локализации”, при этом перемещение рассматривается как более узкое понятие внутри общей семантической области движения: перемещение является частным случаем движения и одновременно его прототипическим представителем [Плунон, 2002, с. 60, 62–63; Майсак, 2005, с. 102].

Напротив, предикаты местонахождения предполагают аргументы, оформленные маркерами локационных значений. В кетском языке отсутствуют аналоги индоевропейских экзистенциальных глаголов типа русск. *находиться, располагаться, размещаться* и т.д. или *быть*, которые указывают «в самой общей форме на местонахождение объекта» где-либо в пространстве [Гак, 1996, с. 13].

Основным средством кодирования локационных значений в ситуациях местонахождения являются неглагольные предикаты местонахождения. Следовательно, концепт 'находиться' в кетском языке передается главным образом неглагольными конструкциями местонахождения (см. раздел 8.1). Семантика местонахождения в пространстве в кетском языке, как и в ряде других языков, может также передаваться позиционными глаголами (глаголами положения в пространстве) типа *сидеть, лежать, стоять, висеть*, например:

қус'т қал'уа клн дас'ес'ол'та¹ 'За чумом лисица *сидела*' [Романенкова, 2009].

3. Базовым средством выражения LOC и DIR значений компонентов локативной ситуации являются падежные показатели. Пространственные падежные показатели, оформляющие имена существительные, а также входящие в состав послелогов и наречий, как увидим ниже, несут основную функциональную нагрузку в выражении указанных значений и пронизывают именную, послеложную и адвербиальную подсистемы выражения LOC и DIR значений.

Система кетских локативных падежей включает: локативный показатель (ESS) =*ка/=га/=уа*; местно-личный показатель (ADESS) =*диңтэн / =диңта / =диңт*; исходный показатель (ABL) =*диңал*' (усеченный вариант =*дил*); дательно-направительный показатель (DAT) =*диңа*; продольный показатель (PROL) =*бес*'.

Показатели ESS и ADESS выступают в качестве LOC показателей, а показатели ABL, DAT и PROL в качестве DIR, например:

ESS: *дыл' дутоуот ой=уа* 'мальчик лежит (спит) *в люльке*' – семантическая роль "Место";

ADESS: *бу окс'=даңта сес'те* 'он *на дереве* сидит' – семантическая роль "Место";

ABL: *бу ис' ай=диңал' л'а даңада* 'он рыбу *из мешка* выкладывает' – семантическая роль "Исходный пункт";

DAT: *дең конаңен ас'лин=диңа* 'люди сели *в лодку*' – семантическая роль "Конечный пункт".

PROL: *ад боуон хатбаң=бес*' 'я пошел *по чаще*' – семантическая роль "Маршрут".

4. LOC и DIR значения выражаются также локативными послелогом. В кетском языке имеются как несерийные, так и серийные послелог. Последние имеют общий корень и содержат в своем составе форманты, восходящие к падежным показателям. Проанализируем серийные послелог, дифференцирующие LOC и DIR значения посредством соответствующих LOC и DIR падежных показателей, так как несерийные послелог, как правило, не передают пространственную семантику.

Большинство серийных послелогов образуют серии из четырех элементов, хотя отмечены серии, включающие два ('около': *л'гит=ка* – "Место"; *л'гит=бес*' – "Маршрут") или три послелог (ср. синонимичный послелог 'рядом': *ил'=га* – "Место", *ил'=диңа* – "Конечный пункт", *ил'=бес*' – "Маршрут").

Семантика серийных послелогов и послеложных конструкций характеризуется композиционностью, на что уже обращалось внимание в литературе [Терещенко, 1979, с. 301; Kracht, 2016, с. 1–2]. Имя в составе послеложной конструкции называет ориентир, основа послелог – топологические зоны окрестности ориентира (внешняя, внутренняя, передняя и др. (см. [Плунгян, 2002, с. 66]), а падежный показатель выражает локационное или директивное значение. Например: *ди? оует тик д=а:т'=бес*' (*тик* 'снег' – ориентир; *д* – притяжательный показатель; *а:т'* – основа послелог, называющая топологическую зону 'верхняя поверхность ориентира'; *бес*' – DIR показатель; роль "Маршрут") 'Орел идет *по снегу*'.

Послелог, выражающие LOC значения, содержат показатель ESS (локация; роль "Место") =*ка/=га/=уа*, а послелог, передающие DIR значения, оформлены показателями ABL (делокация; роль "Исходный пункт"), DAT (адлокация; роль 'Конечный пункт') и PROL (транслокация; роль "Маршрут"). Приведем примеры.

¹ Примеры приводятся в авторской записи, при этом в ряде случаев пришлось применить некоторое упрощение и унификацию используемых фонетических символов (например, опущены в некоторых случаях символы, обозначающие тоны, унифицированы транскрипционные знаки, используемые в системах Е. А. Крейновича и А. П. Дульзона). Таблица соответствия фонетических знаков некоторых систем приведена в [Иванов, 1969, с. 284–285]. Следует обратить внимание читателя на то, что в кетологической литературе отсутствует унифицированная система транскрипции; ряд исследователей использует систему на основе латиницы, другие же – на основе кириллицы, причем как у первых, так и у последних отсутствует единая унифицированная транскрипционная система.

“Место”: послелог *хый=га* (местонахождение во внутреннем пространстве ориентира) – *ба:д бада – у кус’инга?* – *ат кул’ит хый=га* ‘Старик сказал: «Ты здесь?» – «Я **в куле** (внутри куля)»»; “Исходный пункт”: *хый=дил’* (из внутреннего пространства ориентира) – *ад хай долақ ибууст хый=дил’* ‘Я тоже вышла **из дома**’; “Конечный пункт”: *хый=диңа* (во внутреннее пространство ориентира) – *бо:т кайнем туда кет, бо:нт хый=диңа доңона* ‘Старик этого человека взял, **в рукавицу посадил**’; “Маршрут”: *хый=бес’* (перемещение вдоль или по внутреннему пространству ориентира) – *ба:м ... те:лытнан богдот хый=бес’* ‘Старуху ... заталкивали **в костер**’ (костер мыслится как трасса перемещения объекта).

Падежные показатели в кетском языке не дифференцируют топологические зоны окрестности ориентира, их конкретизация достигается посредством использования послелогов, в составе которых основа послелога указывает на топологическую зону:

а) конструкция с именем, оформленным DAT: *де:ң конаңен ас’лин=диңа* ‘люди сели **в лодку**’;

б) конструкция с именем, оформленным послелогом *хый=диңа* ‘адлокация во внутреннее пространство ориентира’ – *дон’ ас’лиң-т-хый-диңа десомдақ* ‘нож **вовнутрь лодки** (букв. *лодки-ее-нутро-в* – С. Б.) положил’.

5. Еще одним средством выражения LOC и DIR значений являются локативные наречия. Локативные наречия служат специализированным средством обозначения “неточной локализации”. При “точной” локализации перемещение ориентировано по конкретному исходному или конечному пункту-Ориентир, в то время как при неточной – по исходному или конечному *направлению*, причем начальный и конечные пункты (Ориентиры) могут оставаться неизвестными [Плунгян, 2002, с. 70, 85–86]. В используемой нами терминологии наречия могут называть как неточное местонахождение (локационное значение), так и неточное направление перемещения (директивные значения).

Указание на ориентир “встроено” в значение наречия (см. [Плунгян, 2002, с. 74–75]). Корень наречия указывает на предметные ориентиры на местности (*игда* ‘к реке’, *ауа* ‘от реки в сторону леса’, *ус’ка* ‘обратно’ и др.), гравитационные (*тос’а* ‘вверх’, *хыта* ‘вниз’ и др.), антропоцентричные (*қота* ‘вперед’, ‘вперед’, *оңта* ‘позади’, ‘назад’ и др.), дейктические (*кениңа* ‘сюда’, *туниңа* ‘туда’ и др.) и некоторые другие ориентиры.

LOC и DIR значения выражаются некоторыми разрядами локативных наречий. Наречия, содержащие LOC и DIR падежные показатели и объединенные общностью корня, мы предлагаем называть серийными (по аналогии с серийными послелогоми).

Наиболее полно оппозиция средств выражения LOC и DIR значений представлена в подсистеме дейктических наречий, поэтому они и служат предметом дальнейшего рассмотрения. LOC дейктические наречия указывают на местонахождение объекта относительно дейктического центра, а DIR наречия – перемещение объекта относительно дейктического центра. LOC и DIR наречия мотивированы дейктическими местоимениями и различают три степени удаленности: *кис’аң* ‘здесь’ (проксимальный дейксис – см. [Невская, 2005, с. 28]), *тус’аң* ‘там’ (чуть дальше от говорящего – медиальный дейксис), *қас’аң* ‘там’ (наиболее удаленный от говорящего и слушающего – экстремальный дейксис)’.

Локационные наречия (местонахождение в дейктическом центре) образуются от местоименных основ посредством компонента =*с’аң*. Делокативные наречия (перемещение от дейктического центра) восходят к формам ABL имен (показатель =*иңал’ >ил’*, ср. падежный показатель =*диңал’*), а адлокативные (перемещение к дейктическому центру) – к модифицированным формам DAT (показатель =*иңа < =диңа*). Отмечены также две группы параллельных вариантов адлокативных наречий, образованные от тех же основ с помощью: 1) суффикса =*ес’*: *кин=ес’* ‘сюда’, *тунес’* ‘туда’, *қанес’* ‘туда’; 2) послелога *тан’*, который имеет адлокативное значение: *кин’=тан’* ‘сюда’, *тун’=тан’* ‘туда’, *қан’=тан’* ‘туда’. В качестве примера серийных наречий приведем серию проксимативных наречий: *ки=с’аң* ‘здесь’ (LOC); *ки=н’иңа* (*ки=н’ес’*; *кин’=тан’*) ‘сюда’ (DIR); *ки=н’иңал’* ‘отсюда’ (DIR).

Трехэлементная серия дейктических наречий, различающих эссивное, аллативное и лативное значения может быть проиллюстрирована на примере наречия проксимального дейксиса (подробнее см.: [Буторин, 2008, с. 57–60]):

(1) *ат бек кис’аң диуадақ*

(2) ‘Я постоянно (всегда) **здесь** живу’ [Дульзон, 1970, с. 114]; локационное значение (LOC);

(3) *ат кин’еңа ди:нус’ диңал’, ақта ат ди:уерақ*

‘С тех пор, как я **сюда** приехал, хорошо я живу’ [Сказки, 1984, с. 94]; адлокативное значение (DIR);

(4) ен **кинил'** доңатн, биг баңга ас диуин

'Теперь *отсюда* уйдем, в другом месте будем жить' [Дульзон, 1969, с. 190]; делокативное значение (DIR).

В кетском языке отмечен ряд пространственных наречий, которые формально не различают LOC и некоторые DIR значения, в частности, одно и то же наречие может выражать как локационное, так и адлокативное значение в зависимости от статического или динамического характера предиката и, соответственно, всей ситуации в целом. Примером может служить наречие *игда*, обозначающее направление как перемещения из леса к берегу, а также от берега к реке, так и местонахождение в данных пунктах.

Локационное значение (LOC):

тол'говай бин и'ер' игде т=се:с'та, де де:ң даңтен дас'соно:ветн.

'Богач спокойно [дома] *у реки* сидит, его люди для него промышляют'. [Дульзон, 1969, с. 178].

Адлокативное значение (DIR):

бу иңол'та кайнем, игда оуонен, дыл'тийдиңа конеуен, оуонен бинда кеддаңа.

'Он шкуру взял, *к реке* пошел, в ветку сел и поехал к своему товарищу'. [Сказки, 1981, с.48].

Отмечены также делокативное наречие *игдил* 'от берега' и транслокативное наречие *игдивес* 'по берегу' [Крейнович, 1968 а, с. 174].

Адвербиальные серии (из трех или двух членов) образуют также наречия некоторых других семантических разрядов, например, наречия, указывающие на гравитационные ориентиры: *той* 'вверх', *тос'а* 'вверх', *тос'ил* 'сверху'.

6. В качестве средств выражения DIR значений используются инкорпорированные глаголы. Дери-вационный механизм инкорпорирования можно продемонстрировать на примере глагола с адвербиальным инкорпорантом, представляющим собой связанную локативную основу *эс'каә* 'вверх по реке (на лодках)': *ад дий=ақ* (я. ABS S.1=идти) 'я-схожу' \Rightarrow *ад д=эс'каә=к=с=ақ* (я. S.ABS.1=вверх-по-реке.INC=DET=PRES=идти) 'я-вверх-по-реке-съезжу (на лодке)'. Подробнее инкорпорированные глаголы рассматриваются ниже в разделе, посвященном директивным сателлитам.

Инкорпорированные глаголы можно отнести к средствам выражения категории "глагольной ориентации", которая противопоставлена категории именной ориентации (термины В. А. Плуногяна). Показатели первой категории в простейшем случае указывают куда, откуда или где совершается перемещение, обозначенное исходным глаголом [Плуногян, 2002, с. 58].

7. К средствам выражения директивных (ориентационных значений) относятся сателлиты, являющиеся средством выражения семантического компонента Траектория (директивность, или ориентация перемещения). Проведенное исследование позволяет выделить в кетском языке адвербиальные глагольные сателлиты, выражающие направление перемещения, – ориентационные сателлиты. Понятие "сателлит" глагола введено Л. Талми [Talmy, 1985, р. 102] и включает компоненты, противопоставленные корням и отличные от именных комплиментов; причем сателлит является зависимым компонентом, а глагол или глагольный корень – вершиной. Сателлит может представлять собой как самостоятельное слово, так и аффикс, но он не является ни словоизменительным аффиксом, ни аргументом глагола. Примерами сателлитов могут служить английские приглагольные постпозитивные частицы, латинские или русские приставки, аффиксы, окружающие корень в составе полисинтетической глагольной словоформы, и др. Сателлиты часто соотносятся с элементами других классов слов: предлогами, отглагольными именами существительными, а также наречиями [Talmy, 2000, pp. 101–103] Talmy, 2007, pp. 138–146].

В кетском языке выделяются две подгруппы сателлитов: (7.1.) свободные инкорпорированные директивные сателлиты, которые соотносятся со свободными директивными наречиями и могут инкорпорироваться в полисинтетический глагольный комплекс (инкорпорированный глагол) и (7.2.) связанные инкорпорированные директивные сателлиты, представляющие собой связанные адвербиальные основы, не использующиеся в составе самостоятельных лексических единиц.

Итак, функция сателлитов – выражение директивных значений, а именно: направления перемещения, иными словами, ориентации перемещения.

7.1. Свободные директивные инкорпорированные сателлиты. В кетском языке имеются пары глаголов перемещения, связанных деривационными отношениями инкорпорации директивного локати-ва.

Один член пары сочетается с препозитивно расположенным локативным наречием и образует свободное словосочетание, построенное по типу примыкания (7.1.1.), в то время как второй член пары представляет собой инкорпорированный глагол, т. е. морфологически целостную единицу с инкорпорированным локативным наречием (7.1.2.). Чаще всего подобные пары включают наречия *игда* ‘к реке’, *ауа* ‘в лес’, *қа* ‘внутри (жилища)’, *л’а* ‘наружу (из жилища)’, например:

7.1.1. *туниңгел’ бат ка:с’еңнем ... ауа бат (д)буңнем о:н ку:ң деңнаңа.* [Дульзон, 1964, с.152]

‘Потом он их (убитую дичь) подбирал ... **наверх** (от берега реки) **относил** людям семи чумов’;

7.1.2. *тул’ бат блн тукоңл’ебетин, туниңел’ бат д=ауа=буңнем куңдиңа, деңнаңа*

‘Потом он связывал их, потом он их **наверх-относил** к чумам, людям’ [Дульзон, 1964, с.154].

Ряд исследователей сходятся во мнении, что механизм инкорпорирования служит целям коммуникативного, прагматического или логического выделения элементов высказывания (см., например [Полинская, 1991, с. 374–379]). Предположительно, механизм инкорпорирования адвербиальных локативов в кетском языке служит средством перемещения локатива из синтаксически приоритетной позиции (сирконстант) в синтаксически неприоритетную позицию с целью выведения его из коммуникативного “фокуса” и введения в “фон”.

7.2. Связанные инкорпорированные директивные сателлиты, как правило, указывают на ориентацию перемещения в летнее и зимнее время относительно реки как абсолютного ориентира на местности, например: *д=эс’кае=ватсақ ‘я-вверх-по-реке-съезжу (по воде на лодке)’*, *(т)=тыуә=ва=т=с=ақ ‘я-съезжу-вниз-по-реке’*, *д=эта=ватсақ ‘я-вверх-по-реке-по-льду-схожу’*, *д=атае=ват=сақ ‘я-на-устье-по-льду-реки-схожу’* [Крейнович, 1968 а, с. 175, 177, 179] и др.

Специфика семантики связанных инкорпорированных сателлитов заключается в том, что их корень/основа кумулятивно выражает несколько семантических компонентов ситуации движения: Ориентир (река), Способ (по водной поверхности/по льду) и Траектория (директивность).

8. К синтаксическим средствам выражения локационных и директивных значений относятся простые и сложные синтаксические конструкции, специализированные на передаче как локационных, так и директивных пространственных отношений.

Ряд выше рассмотренных способов маркировки локационных и директивных значений представлены в основном в рамках простых синтаксических конструкций и используются как средства кодирования глагольных аргументов и сирконстантов.

8.1. К простым синтаксическим конструкциям относятся, прежде всего, конструкции местонахождения, образованные на базе неглагольных предикатов, т.е. предикатов, не содержащих в своем составе семантически однозначных глагольных форм.

Локационные неглагольные предикаты местонахождения, как правило, оформляются согласовательными лично-предикативными постпозитивными показателями, координирующими предикат с подлежащим по категориям лица, числа и класса. Эти показатели выполняют функцию связки, так как глагольная связка, по крайней мере в настоящем и будущем временах, в кетском языке отсутствует. Реже неглагольный предикат, выраженный послеложной конструкцией, оформляется нелично-предикативным показателем *с’*. Неглагольный предикат оформляется показателями локационных падежей: *ESS* и *ADESS*; субстантивно-послеложный предикат содержит в своем составе локационные послелого (раздел 4).

Далее приводится классификация наиболее частотных конструкций с неглагольными предикатами, построенная на основании частеречной принадлежности ведущих, семантически наполненных компонентов данных предикатов (подробнее см. [Буторин, 2015]):

I. Лично-предикативные неглагольные конструкции, содержащие предикаты, оформленные предикативными показателями координации по категориям лица, числа и класса подлежащего. В частности, выделены следующие разновидности, определяемые принадлежностью ведущего компонента предиката к определенному грамматическому классу:

1) субстантивный предикат, оформленный показателями *ESS* или *ADESS*:

богдом амбал’=ге=жем.

ружье.S.ABS амбар.=ESS=PRED.3.N

Ружье в амбаре=это [Дульзон, 1972 б, с. 111].

богдом амбал’=дингте=м

ружье.S.ABS амбар.=ADES=PRED.3.N

‘Ружье в амбаре=это’ [Дульзон, 1972 б, с. 111].

2) субстантивно-последложный предикат:

д'ыл' *уј=т=хыйга=ду*
 ребенок (мальчик)=S.ABS люлька=POSS.3.N=внутри.POSTP=PRED.3.SG.M
 'Ребенок (мальчик) в люльке' [Романенкова, 2009].

3) прономинально-последложный предикат:

дон' *аб=ыл'га=јем*
 нож.S.ABS мой.POSSP.1.SG=рядом.POSTP=PRED.3.N
 'Нож со мной рядом' [Романенкова, 2009].

4) адвербиальный предикат:

аб *асл'ини* *кис'еңам*
 мой.POSSP.1.SG лодка.S.ABS здесь=PRED.3.N
 'Моя лодка здесь' [Дульзон, 1972б, с. 114].

5) неглагольный предикат, выраженный описательными оборотами с некоторыми пространственными именами, в частности, *қол'еп* 'сторона', 'половина', *баң* 'место', 'земля', оформленными показателем LOC:

дон' *ук* *боуот* *қол'еп=ка=јем*
 нож.S.ABS твой.POSSP.1.SG правый сторона=ESS=PRED.3.N
 'Нож справа от тебя (с твоей правой стороны)' [Романенкова, 2009].

ъ'тна он *манă* *тавангий* *банг=гей=до (банг=гей=ду)*
 наш отец.S.ABS говорить.3.SG.F малая ходьба место=ESS= PRED.3.SG.M
 'Наш отец на малой ходьбе' [Дульзон, 1972а, с. 10].

II. Нелично-предикативные неглагольные конструкции, включающие субстантивно-последложные предикаты:

tur'e na'n' *s'in'=aj=t=hyjga=s'*
 этот хлеб.S.ABS старый=мешок=POSS.3.N=внутри.POSTP=PRED
 'Этот хлеб в старом мешке' [Вернер, 2000, с. 43].

8.2. В данном подразделе представлен предварительный анализ сложных синтаксических конструкций (сложных предложений), содержащих синтаксические связующие элементы. Далее применительно к связующим элементам будет использоваться термин "скрепа", введенный М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой в работе [Черемисина, Колосова, 1987, с. 101–103; 136–138]. Под термином скрепа понимается сегмент плана выражения, выполняющий связующую функцию и являющийся отдельным словом, сочетанием (контактным или дистантным) нескольких слов, морфемой или сочетанием (контактным или дистантным) нескольких морфем и некоторыми другими средствами [Черемисина, Колосова, 1987, с. 101–103; 136–138]. В данной работе рассматриваются только те скрепы, которые сами по себе передают локативную семантику, как собственно пространственную, так и определительно-пространственную. Описание всех средств синтаксической связи в составе сложного предложения в задачи исследования не входит. Заметим также, что некоторые пространственные скрепы, приведенные ниже, используются в сложных синтаксических конструкциях, в которых они имеют иную семантику [Гришина, 1979; Гришина, 1981; Гришина, 1982; Werner, 1997, pp. 351–353]. Скрепы как средства связи между предикативными частями сложных предложений с пространственной семантикой в кетском языке представлены следующими разновидностями:

8.2.1. Скрепы, восходящие и формально совпадающие с падежными показателями *ADES* (=диңт) и *DAT* (=диңа) и выражающие семантические роли "Место" и "Конечный пункт" соответственно:

8.2.1.1. Скрепа =диңт – *ADES*; *LOC*; семантическая роль "Место":

дил'гит тол'дамн-диңт, тунеңа десомдак
 'Дети спали где, туда (она) положила (это)' ('Где дети спали, туда она положила') [Гришина, 1979, с. 12].

8.2.1.2. Скрепка =диңа – DAT; DIR; семантическая роль “Конечный пункт”:

бу с'уоҮонден, бокдет таб'ер'амн=диңа

‘Он вернулся, где головешки от костра лежат’ (Он вернулся, (где) головешки от костра лежат=**к тому месту** – С. Б.) [Гришина, 1982, с. 118].

8.2.2. Скрепки, образованные на базе существительного баң, оформленные, как правило, показателями локационных и ориентационных падежей: баң=га – LOC-ESS (см. ниже подпункт 8.2.2.1.); баң=диңт LOC-ADES (8.2.2.2.); баң=диңал’ – DIR-ABL (8.2.2.3.) баң=диңа – DIR-DAT (8.2.2.4.). В значении LOC встречаются также случаи использования баң в абсолютном падеже (ABS), не оформленном падежным показателем (8.2.2.5.) Г. К. Вернер, на наш взгляд, с достаточными основаниями относит данную скрепу к послелогам [Werner, 1997, p. 352].

8.2.2.1. татбул'аң дыл'гет корес' да:туолбетин баңга, ат еңбый димјак. ‘Где черемшу дети вчера собирали, я гнездо нашел’ [(Где) черемшу дети вчера собирали **в том месте**, я гнездо нашел] [Гришина, 1982, с. 120]; семантическая роль “Место”.

8.2.2.2. тус'аң ку:с' һанту?, бис'ең актэ баңдиңт ‘Там чум поставь, где место хорошее **в том месте**’ [Гришина, 1982, с. 102]; семантическая роль “Место”.

8.2.2.3. s'u j ɲaŋ=baŋdi'ŋal', ɲtɲ dɛqt dɛŋɲɲ ‘От места, в котором много комаров, мы быстро ушли’ [Werner, 1997, p. 352]; семантическая роль “Исходный пункт”.

8.2.2.4. сур. ус'ке дь и:нбис', бу део:лин баңдиңа ‘И обратно пошел, где он стоял’ [‘И обратно пошел, (где) он стоял **в то место**’] [Гришина, 1982, с. 115]; семантическая роль “Конечный пункт”.

8.2.2.5. һиссыйдиңа һы бин дијах, айти кой та:йҮе баң ‘В лес еще не хожу, где плохой (злой) медведь ходит’ [‘В лес еще не хожу, (где) плохой (злой) медведь ходит **в том месте** – С. Б.] [Гришина, 1982, с. 94]. В данном примере выражены определительно-пространственные отношения.

8.3. Коррелятивно-релятивные предложения имеют в качестве средства связи коррелятивно-релятивные скрепы. В литературе отмечается, что пространственные сложные предложения в большей части являются местоименно-соотносительными. В главной части помещается местоименное наречие места там (туда, оттуда) соотносительное с союзным словом (относительным местоимением) где (куда, откуда), например: Вдруг там, где прибой швыряет свои белые фонтаны, поднялся орел [Формановская, 1978, с. 96].

Компонент, располагающийся в главной части предложения, называют коррелятом (= соотносительным словом), а компонент в зависимой части — релятом (= относительным местоимением или союзным словом) [Черемисина, Колосова, 1987, с. 162–163].

Коррелятивно-релятивные (местоименно-соотносительные) слова передают локационные и директивные значения. Н. И. Формановская отмечает, что слова там и где указывают на место (семантическая роль “Место”), которое можно назвать пропозитивным (событийным, или эвентуальным) “Ориентиром” и в котором или где осуществляется какое-либо действие [пропозитивная локализация ситуации, обозначенной главной частью сложного предложения – С.Б.]. Другие скрепы выражают директивные значения: туда и куда указывают на “Конечный пункт” движения; оттуда и откуда – на “Исходный пункт” движения. Иными словами, эти скрепы кодируют пространственную ориентацию событий относительно друга, например: там – где; там – куда; там – откуда; туда – где; туда – куда; туда – откуда; и т.д. (см. [Формановская, 1978, с. 96–97]). Коррелятивно-релятивные синтаксические скрепы подробнее рассмотрены в [Буторин, 2009]. Приведем некоторые примеры:

8.3.1. ата асуно дең тунтан оңон, бис'ең кал'окс' дубитен

‘Наши охотники **туда** пошли, где кривое дерево стоит’ [Гришина, 1982, с. 121].

8.3.2. бу ди:мес тунил', бис'аң буңна қус' ховил'тэ

‘Он пришел **оттуда**, где их чум стоял’ [Романенкова, 2009];

8.3.3. бинил' кимес, туниңа қоң

‘**Откуда** ты пришел, **туда** и иди’ [Романенкова, 2009];

Предложения с двухместными скрепами обычно относят к сложноподчиненным, а их части соотносятся как главная и придаточная. По мнению М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой, такие предложения (в частности, местоименно-соотносительные) не являются сложноподчиненными в собственном смысле слова, так как здесь имеется обоюдная связь частей, или взаимоподчинение, которое отличается от однонаправленной подчинительной связи. Следовательно, части таких предложений не следует называть главной и придаточной. Взаимоподчинение – это не подчинение и не сочинение, а более сложная, взаимная связь частей. Взаимоподчинением характеризуются сложные предложения,

в которых ни одну из частей нельзя убрать, чтобы не нарушить правильность оставшейся части как формального предложения [Черемисина, Колосова, 1987, с. 101; 162].

8.4. Зафиксированы также многоместные скрепы. Например, скрепа *баң=диңт*, оформленная локационным показателем ADES, выступает в качестве постпозитивной скрепы в зависимой части сложного синтаксического целого, в то время как в той же самой зависимой части дополнительно в качестве препозитивных выступают парные скрепы *тун'тан'* 'там' и *бис'аң* 'где':

тун'тан' бис'аң с'ен тајоңготин баңдиңта, ыт бит дугодънлбитин.

'Там, где олени летом пасутся в том месте, дымокуры часто делают' [Гришина, 1982, с. 105–106].

8.5. В кетском языке отмечены также определительные сложные предложения с пространственной семантикой, которые подлежат отдельному рассмотрению, не входящему в задачи данной работы. Приведем лишь один из примеров:

кус', бис'аң ат с'ибатонох, ин'ам таң.

'Чума, где я родился, давно уже нет' [Гришина, 1982, с. 98–99].

9. В результате проведенного исследования построен инвентарь морфо-синтаксических способов кодирования локационных и директивных компонентов статических и динамических локативных ситуаций в кетском языке, которые используются в качестве средств маркировки категорий именной и глагольной ориентации: локации и директивности.

Разграничение категорий именной и глагольной ориентации предложено, в частности, В. А. Плунгяном [2002, с. 59–74]. В данной работе используется несколько модифицированный терминологический аппарат, примененный для описания данных категорий, а именно: "именная категория локации и директивности" и "глагольная категория директивности", а также неглагольная категория локации, включающая неглагольные предикаты местонахождения.

В выражении именной категории ориентации (значения локации и директивности) используются приименные средства кодирования пространственных отношений (иными словами – семантического компонента "Траектория"), а именно локативные падежные показатели и послелого, оформляющие именные группы.

Средствами кодирования глагольной категории ориентации (значения директивности) служат пространственные наречия и глагольные инкорпорированные сателлиты, соотносимые со свободными (неинкорпорированными) пространственными наречиями, а также связанные глагольные сателлиты, которые конкретизируют директивные (ориентационные) параметры перемещения, определяемые семантикой глагола. Основным морфо-синтаксическим средством выражения глагольной категории директивности являются инкорпорированные глаголы перемещения в пространстве, в состав которых входят указанные инкорпорированные адвербиальные сателлиты.

Помимо именной и глагольной категорий, в выражении локационных и директивных значений используются синтаксические средства, а точнее синтаксические конструкции (как правило, простые) с неглагольным предикатом, выражающие локационные значения местонахождения локализуемого объекта, и сложные синтаксические локативные конструкции, выражающие как локационные, так и директивные значения, передаваемые соответствующими синтаксическими скрепами.

В заключение отметим, что локационные и директивные значения в кетском языке выражаются разнообразными морфо-синтаксическими средствами – падежными показателями и послелогом, которые оформляют именные группы, называющие ориентир, адвербиальными средствами: неинкорпорированными свободными наречиями, инкорпорированными свободными и связанными адвербиальными сателлитами, включенными в состав глагольного предиката и указывающими направление перемещения, а также элементарными и сложными синтаксическими конструкциями.

Падежные показатели, послелого, а также свободные наречия передают как локационные, так и директивные значения; глагольные инкорпорированные сателлиты специализированы на выражении директивных значений (указании на направление перемещения). Именные падежные и послеложные средства участвуют в обозначении точной локализации, а адвербиальные – неточной локализации. Послелого выражают не только локационные и директивные значения, но и конкретизируют пространственные области ориентира – его топологические зоны.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что выражение локационных и директивных значений в кетском языке, как и в большинстве других языков, имеет распределенный (дистрибутивный) характер, т.е. однородная пространственная семантика (в данном случае выражение локационных и директивных субкомпонентов "Траектории") выражается формально-языковыми способами, распределенными между разными морфо-синтаксическими компонентами на

уровне формально-языкового представления высказывания: средствами именной и глагольной ориентации, а также синтаксическими конструкциями.

Условные обозначения

ABL – исходный падеж; ABS – абсолютный падеж; ADES – местно-личный падеж; DAT – дательный падеж; DET – детерминатив (субморф, т. е. морфема, утратившая свое значение и не поддающаяся этимологизации); DIR – директив; директивное значение, передаваемое показателями ABL, DAT, PROL, некоторыми разрядами послелогов, наречий и местоимений; ESS – показатель локативного (местно-временного) падежа; F – показатель женского класса; LOC – локация, локационное значение, передаваемое показателями ADES и ESS и некоторыми разрядами послелогов, наречий и местоимений; N – показатель вещного класса; INC – инкорпорант; M – мужской класс; PL – множ. ч.; POSS – притяжательный показатель; POSTP – послелог; PRED – лично-предикативный или нелично-предикативный показатель, выполняющий функцию координации/согласования между подлежащим и неглагольным предикатом; PROL – пролатив (продольный падеж); S – актантный показатель субъекта; SG – показатель единственного числа.

Список литературы

- Буторин С. С. Дейктические локативные наречия в кетском языке // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Филология. № 4. 2008. С. 57–60.
- Буторин С. С. Коррелятивно-релятивные предложения в кетском языке // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Филология. № 4. 2009. С. 60–64.
- Буторин С. С. Общая характеристика неглагольных локативных предикатов в кетском языке // Сибирский филологический журнал. № 2. 2015. С. 142–152.
- Вернер Г. К. Сложные атрибутивные конструкции в енисейских языках // ВЯ. № 3. 2000. С. 42–49.
- Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
- Гак В. Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. С. 6–26.
- Гришина Н. М. Падежные показатели и служебные слова в структуре сложного предложения кетского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. н. Л., 1979. 30 с.
- Гришина Н. М. Сложноподчиненные предложения с послеложным словом *баң* в кетском языке // Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск, 1981. С. 157–162.
- Иванов Вяч. Вс. (ред.). Кетский сборник. Мифология. Этнография. Тексты. М.: Наука, 1969.
- Крейнович Е. А. Глагол кетского языка. Л.: Наука, 1968 а. 283 с.
- Крейнович Е. А. О грамматическом выражении именных классов в глаголе кетского языка // Кетский сборник. Лингвистика. М., 1968б. С. 139–195.
- Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005. 480 с.
- Невская И. А. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск, 2005. 304 с.
- Плунгян В. А. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М.: ООО «Русские словари», 2002. С. 57–98.
- Полинская М. С. Инкорпорированное слово в чукотском языке // Морфема и проблемы типологии. М.: Наука, 1991. С. 357–386
- Терещенко Н. М. Нганасанский язык. Л.: Наука, 1979. 322 с.
- Формановская Н. И. Стилистика сложного предложения. М.: Русский язык, 1978. 239 с.
- Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 197 с.
- Kracht M. The Semantics of Locatives in the Uralic Languages. Available: <http://kracht.humnet.ucla.edu/marcus/html/public-ling.html>. (accessed October 24, 2016)
- Sjöström S. Spatial relations: Towards a theory of spatial verbs, prepositions and pronominal adverbs in Swedish. Göteborg: Dept. of linguistics, 1990.
- Talmy L. Lexical typologies. In: T. Shopen (ed.) Language Typology and Syntactic Description. Second edition. Vol. III: Grammatical Categories and the Lexicon. Cambridge: CUP, 2007. Pp. 66–168.

Talmy L. Toward a Cognitive Semantics, volume II: Typology and process in concept structuring. Cambridge: MIT Press, 2000. Pp. 101–103.

Talmy L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // Т. Shopen (ed.). Language typology and syntactic description. Vol. 3: Grammatical categories and the lexicon. Cambridge: CUP, 1985. Pp. 57-149.

Werner H. Die ketische Sprache. Wiesbaden, Harrasowitz Verlag, 1997. 411 p.

Список текстовых источников и информантов

Гришина Н. М. Сложноподчиненные предложения (Сургутиха, Бахта, Сумароково, Келлог) // Сказки народов Сибирского Севера. Вып. IV. Томск, 1982. С. 92–121.

Дульзон А. П. Кетские сказки и другие тексты // Кетский сборник. Мифология. Этнография. Тексты. М.: Наука, 1969. С. 167–212.

Дульзон А. П. Кетские сказки. Приложение // Очерки по грамматике кетского языка. Томск, 1964. С. 137–220.

Дульзон А. П. Материалы по кетской диалектологии // Языки и топонимия Сибири. Вып. III. Томск, 1970. С. 81–121.

Дульзон А. П. Материалы по кетской диалектологии // Языки и топонимия Сибири. Вып. V. Томск, 1972 б. С. 104–145.

Дульзон А. П. Сказки народов Сибирского Севера. Вып I. Томск, 1972 а. 202 с.

Романенкова, 2009 – Рукописные материалы, записанные автором статьи от информанта Романенковой во время работы в 2009.

Сказки, 1981 – Сказки народов Сибирского Севера. Вып. IV. Томск, 1981. 188 с.

S. S. Butorin

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation;
butorin_ss@mail.ru*

On the basic markers of coding locational and directional semantic components in the Ket language

The basic means of expressing locational and directional (orientational) meanings of the components of static and dynamic locative situations in the Ket language have been studied. The spatial case markers, serial postpositions and adverbs as well as clausal linking elements in complex syntactic units the functions of which are to contrast locational and directional meanings have been analyzed. The specificity of locative adverbs as a means of 'fuzzy' localization is shown.

Keywords: ket language, locative semantic components coding, static and dynamic situations, locational and directional meanings, spatial case markers, postpositions, adverbs, complex locative syntactic constructions.

References

Butorin S.S. Dejkticheskie lokativnoe narechija v ketskomazyke [The deictic locative adverbs in the Ket language]. In: *Gumanitarnye nauki v Sibiri. Ser. Filologiya* [The Humanities in Siberia. Series on Philology, iss. 4]. 2008, no. 4, pp. 57-60.

Butorin S.S. Korrelyativno-relyativnye predlozheniya v ketskomazyke [Correlative-relative locative sentences in the Ket language]. In: *Gumanitarnye nauki v Sibiri. Ser. Filologiya* [The Humanities in Siberia. Series on Philology, iss. 4]. 2009, no. 4, pp. 60-64.

Butorin S.S. Obshchaya kharakteristika neglagol'nykh lokativnykh predikatov v ketskomazyke [General description of non-verbal locative predicates in the Ket language]. In: *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Philological Journal]. 2015, no. 2, pp. 142-152.

Verner G.K. Slozhnye atributivnye konstruksii v eniseyskikh yazykakh [Complex attributive constructions in the Eniseian languages]. In: *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues in Linguistics]. 2000, no. 3, pp. 42-49.

Vsevolodova M.V., Vladimirskiy E. Yu. *Sposoby vyrazheniya prostranstvennykh otnosheniy v sovremennom russkomazyke* [The ways of expressing spatial relations in Modern Russian]. Moscow: Izdatel'stvo LKI [LKI Publishers], 2008, 288 p.

Gak V.G. Funktsional'no-semanticheskoe pole predikatov lokalizatsii. In: *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Lokativnost'. Bytiynost'. Possessivnost'. Obuslovlennost'* [The theory of functional grammar. Localization. Existence. Possession. Conditionals]. Saint-Petersburg: Nauka, 1996, pp. 6-26.

Grishina N.M. *Padezhnye pokazateli i sluzhebnye slova v strukture slozhnogo predlozheniya ketskogoazyka*. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. [The case markers and syntactic words in the complex sentence structure of the Ket language]. Leningrad, 1979, 30 p.

Grishina N.M. Slozhnopodchinennye predlozheniya s poslelozhnym slovom baḥ v ketskomazyke [The complex sentences including a postpositional word baḥ in the Ket language]. In: *Padezhi i ikh ekvivalenty v stroe slozhnogo predlozheniya v yazykakh narodov Sibiri* [The cases and their equivalents in the languages of the Siberian peoples]. Novosibirsk, 1981, pp. 157-162.

Ivanov Vyach.Vs. (red.) [ed.]. *Ketskiy sbornik. Mifologiya, etnografiya, teksty* [Studia Ketica. Mythology, ethnology, texts]. Moscow: Nauka, 1969, 291 p.

Kreynovich E.A. *Glagol ketskogoazyka* [The verb in the Ket language]. Leningrad: Nauka, 1968 a, 283 p.

Kreynovich E.A. O grammaticheskom vyrazhenii imennykh klassov v glagole ketskogoazyka [On the grammatical marking of noun classes on the Ket verb]. In: *Ketskiy sbornik. Lingvistika* [Studia Ketica. Linguistics]. Moscow: Nauka, 1968, pp. 139-195.

Maysak T.A. *Tipologiya grammatikalizatsii konstruksiy s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [Grammaticalization paths of motion and posture verbs: a typology]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2005, 480 p.

Nevskaia I.A. *Prostranstvennye otnosheniya v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri (na materiale shorskogoazyka)* [Spatial relations in the Turkic languages of South Siberia (based on the Shor language material)]. Novosibirsk, 2005, 304 p.

Plungyan V.A. O spetsifike vyrazheniya imennykh prostranstvennykh kharakteristik v glagole: kategoriya glagol'noy orientatsii [How spatial characteristics of nouns can apply to verbs: the category of verbal orientation]. In: *Issledovaniya po teorii grammatiki. Iss. 2: Grammatikalizatsiya prostranstvennykh znacheniy v yazykakh mira* [Studies in grammar theory. Iss. 2: Grammaticalization of spatial meanings in the world languages]. Moscow: OOO «Russkie slovari», 2002, pp. 57-98.

Polinskaya M.S. Inkorporirovanoe slovo v chukotskomazyke [The incorporated word in the Chukchi language]. In: *Morfema i problemy tipologii* [The morpheme and the typology problems]. Moscow: Nauka, 1991, pp. 357-386.

Tereshchenko N.M. *Nganasanskiyazyk* [The Nganasan language]. Leningrad: Nauka, 1979, 322 p.

Formanovskaya N.I. *Stilistika slozhnogo predlozheniya* [Stylistics of the complex sentence]. Moscow: Russkiy yazyk, 1978, 239 p.

Cheremisina M.I., Kolosova T. A. *Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya* [Essays on the theory of the complex sentence]. Novosibirsk: Nauka, 1987, 197 p.

Kracht, Marcus. *The Semantics of Locatives in the Uralic Languages*. Available: <http://kracht.humnet.ucla.edu/marcus/html/public-ling.html>. (accessed October 24, 2016).

Sjöström S. *Spatial relations: Towards a theory of spatial verbs, prepositions and pronominal adverbs in Swedish*. Göteborg: Dept. of linguistics, 1990.

Talmy, L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms. T. Shopen (ed.). *Language typology and syntactic description. Vol. 3: Grammatical categories and the lexicon*. Cambridge: CUP, 1985, pp. 57-149.

Talmy, Leonard. *Toward a Cognitive Semantics, volume II: Typology and process in concept structuring*. Cambridge: MIT Press, 2000, pp. 101-103.

Talmy L. Lexical typologies. In: *Language Typology and Syntactic Description. Second edition. Vol. III: Grammatical Categories and the Lexicon. Ed. by T. Shopen*. CUP, 2007, pp. 66-168.

Werner H. *Die ketische Sprache*. Wiesbaden, Harrasowitz Verlag, 1997, 411 p.

The list of text sources and informants

Grishina N.M. Slozhnopodchinennye predlozheniya (Surgutikha, Bakhta, Sumarokovo, Kellog) [Complex sentences (Surgutikha, Bakhta, Sumarokovo, Kellog)]. In: *Skazki narodov Sibirskogo Severa. Iss. IV* [The tales of the Siberian peoples. Iss. I.]. Tomsk, 1981, pp. 92-121.

Dul'zon A.P. Ketskie skazki. Prilozhenie [The Ket folk-tales. Supplement]. In: *Ocherki po grammatike ketskogo jazyka* [The essays on the Ket grammar]. Tomsk, 1964.

Dul'zon A.P. Ketskie skazki i drugie teksty [The Ket folk-tales and other texts]. In: *Ketskij sbornik. Mifologija. Jetnografija. Teksty* [Studia Ketica. Mythology, ethnology, texts]. Moscow: Nauka, 1969, pp. 167-212.

Dul'zon A.P. Materialy po ketskoj dialektologii [The materials on the Ket dialectology]. In: *Jazyki i toponimija Sibiri. Iss. III* [The languages and toponymy of Siberia. Iss. III]. Tomsk, 1970, pp. 81-121.

Dul'zon A. P. *Skazki narodov Sibirskogo Severa* [The tales of the Siberian peoples]. Tomsk, 1972 a., iss. I, 202 p.

Dul'zon A.P. Materialy po ketskoy dialektologii [The materials on the Ket dialectology]. In: *Yazyki i toponimija Sibiri*. [The languages and toponymy of Siberia]. Tomsk, 1972b, iss. V, pp. 104-145.

Romanenkova, 2009 – Rukopisnye materialy, zapisannye avtorom stat'i ot informanta V.A. Romanenkovoy vo vremya raboty v 2009 [Manuscript materials elicited by the author from the Ket native-speaker V.A. Romanenkova while working in 2009].

Skazki, 1981 – *Skazki narodov Sibirskogo Severa Iss. IV*. [The tales of the Siberian peoples]. Tomsk, 1981, iss. IV, 188 p.